УДК 82.01/.09
ББК 83.3:87.2(0)522

СОЛОВЬЕВСКИЙ КИТАЙ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННИКОВ

Е.А. ОСЬМИНИНА

Московский государственный лингвистический университет
ул. Остоженка, д. 38, г. Москва, 119034, Российская Федерация
E-mail: eleosminina@mail.ru

Рассматривается влияние В.С. Соловьева на писателей и поэтов Серебряного века. На материале произведений Соловьева, связанных с «китайской темой»: статей «Россия и Европа», «Китай и Европа», «Япония», «Враг с Востока», рецензии на первый том сочинений Э.Э. Ухтомского, стихотворений «Панмонголизм» и «Дракон», трактата «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории», письма «По поводу последних событий», - оценивается его влияние на статьи Д.С. Мережковского «Желтолицы позитивисты» и «Грядущий Хам», В.И. Иванова «Россия, Англия и Азия» и «Вдохновение ужаса»; рассказы В.М. Дорошевича «Богиня» и В.В. Вересаева «Под кедрами»; на «Китайские стихи» и статьи В.Я. Брюсова. Учтены политический контекст создания произведений, традиция изображения Китая в русской литературе, литературоведческие и синологические труды на означенную тему. Проведен сравнительный анализ текстов, выявлены совпадения как ряда теоретических положений, так и отдельных определений и эпитетов. Выявлен ряд положений Соловьева, которые нашли отражение в произведениях Мережковского и Иванова: материализм и позитивизм китайцев, «пустота» их философии, отрицание жизни и прогресса, «желтая опасность», необходимость христианизации Китая (последнего положения у Мережковского нет). Эсхатологические пророчества философа нашли отражение в рассказе Дорошевича, написанном в разгар восстания ихэтуаней («боксерского восстания»). Текстологическое подтверждение влияния Соловьева, отмеченное в современном литературоведении рассматривается на примере отрицательного образа Китая в поэзии В.Я. Брюсова.

Ключевые слова: образ Китая, Серебряный век, ориентализм, панмонголизм, желтая опасность

SOLOV'EV'S CHINA AND ITS INFLUENCE ON HIS CONTEMPORARIES

E.A. OSMININA

Moscow state linguistic University
Ostozhenka, 38, Moscow, 119034, Russian Federation
E-mail: eleosminina@mail.ru

The article examines the influence of V.S. Solovyov on the writers and poets of the Silver age.. On the material of the works of Solovyov, related to the «chinese theme»: the articles «Russia and Europe», «China and Europe», «Japan», «The enemy from the East»; the review of the first volume of works by E.E. Ukhomsky; the poems «Panmongolizm» and «Dragon»; the tractate «The three conversations about war, progress and the end of world history»; the letter «About the recent events», - is evaluated his influence on D.S. Merezhkovsky's articles: «Yellow-faced positivists», «The coming ham», V.I. Ivanov's articles «Russia, England and Asia», «Inspiration of horror», V.M. Doroshevich's story «Goddess», V.V. Veresaev's story «Under the cedars»; «Chinese poems» and the articles of V.J. Bryusov. The political context of the works, the tradition of depicting China in Russian literature, literary and sinological works on this topic are taken into account. The comparative analysis of texts, the

coincidence of a number of theoretical positions, and separate definitions and epithets are revealed. The numbers of Solovyov's positions are revealed, which are reflected in the works of Merezhkovsky and Ivanov: materialism and positivism of the Chinese, the «emptiness» of their philosophy, the denial of life and progress, the «yellow danger», the need for the Christianization of China (the last position in Merezhkovsky is not). Doroshovich's story, written at the height of the ikhetuan rebellion («boxer rebellion»), was influenced by the philosopher's eschatological prophecies. The negative image of China in the poetry of V. J. Bryusov is the textual confirmation of the influence of Solovyov, noted by modern literary criticism.

Key words: *Image of China, Silver age, Orientalism, pan-Mongolism, yellow danger*

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.2.023-042

Когда в 1890 г. В.С. Соловьев опубликовал свою статью «Китай и Европа», где культура Поднебесной охарактеризована им с наибольшей полнотой, отношение русского общества к этой империи было неоднозначным.

С одной стороны, русское китаеведение уже имело в своих рядах таких замечательных ученых, как архимандрит Иоакимф (Н.Я. Бичурин), архимандрит Палладий (П.Н. Кафаров) и В.П. Васильев. Труды их были напечатаны и известны современникам – достаточно вспомнить высокую оценку, которую А.С. Пушкин дал работам архимандрита Иоакимфа. Кроме того, вышло уже несколько книг С.М. Георгиевского, выдающегося ученика В.П. Васильева.

Восхищение достижениями китайской культуры можно найти в трудах некоторых русских философов, в частности Н.И. Новикова, Н.Я. Данилевского.

С другой стороны, существовала и противоположная тенденция, начало которой положил П.Я. Чаадаев и продолжили западники В.Г. Белинский и А.И. Герцен. В Китае видели олицетворение консерватизма, косности и застоя (Н.А. Полевой); под видом китайского государства было принято критиковать родное отечество. Хотя В.С. Сербиненко¹ приводит положительную характеристику, данную А.С. Хомяковым китайской культуре, в «Семирамиде» философ отнес ее все-таки к кушитскому типу, основанному на началах необходимости, в противоположность иранскому, свободному. И среди путешественников были ученые, отрицательно относящиеся к культуре Китая, в частности Н.М. Пржевальский. Именно с ним полемизировал С.М. Георгиевский², осуждая проекты завоевания Китая.

Образу Китая в русской литературе, в том числе и Серебряного века, посвящены статьи, монографии и диссертации литературоведов; можно найти

¹ См.: Сербиненко В. Китайская цивилизация в зеркале прежнего европоцентризма // Самопознание. 2015. № 4. С. 30.

² См.: Пржевальский Н.М. Современное положение Центральной Азии // Русский вестник. 1886. № 12. С. 473–524; Георгиевский С.М. Два исследователя Китайской империи. По поводу статьи г. Пржевальского «Современное положение Центральной Азии» и книги Ж. Симона «Срединное царство» // Вестник Европы. 1887. № 8. С. 777–806.

материал и в трудах историков³. Это двойственное отношение не является специфически российским явлением: «синоманы» и «синофобы» существовали и в Европе начиная с XIII в.; эта тема также хорошо исследована⁴. Китай восхищает Г.В. Лейбница и Вольтера, не нравится – Ш. Монтескье и И.Г. Гердера. В XIX веке к последним прибавился и такой авторитет, как Г. Гегель («Лекции по философии истории», «Лекции по философии религии»); считается, что его влияние испытали не только западники, но и А.С. Хомяков. Статья В.С. Соловьева «Китай и Европа», безусловно, находится в русле второй традиции.

Это не первое обращение философа к Китаю. В статье «Россия и Европа» (1888 г.), посвященной работам Н.Я. Данилевского и Н.Н. Страхова, он уже дал негативную характеристику Китайской империи, которая «не одарила и, наверное, не одарит мир никакой высокой идеей и никаким великим подвигом; она не внесла и не внесет никакого векового вклада в общее достояние человеческого духа» [1, т.5, с. 103]. Это явная полемика с Н.Я. Данилевским, которой в своей книге останавливался как раз на достижениях Китая. А.И. Кобзев и В.С. Сербиненко⁵ рассматривают и дальнейшие статьи В.С. Соловьева в русле этой полемики.

Однако для понимания статьи «Китай и Европа, более важны труды профессиональных синологов: «Принципы жизни Китая» (1888 г.) уже упоминавшегося профессора С.-Петербургского университета С.М. Георгиевского и «Китайская религия» (1889 г.) профессора парижского Коллеж де Франс Альберта Ревия. В статье «Китай и Европа» В.С. Соловьев цитирует Георгиевского 19 раз, а Ревия – 8. Также он указывает, что обращался к «Дао-дэ-цзину» во французском переводе С. Жюльена, конфуцианскому четырехкнижию во французском переводе Ж. Потье и двумя первым книгам из него же в немецком переводе Р. Плэнкера.

Уже приходилось подробно разбирать труды Ревия и Георгиевского в качестве источников для В.С. Соловьева⁶. Таким образом, сравнительный анализ текстов Георгиевского, Ревия и Соловьева позволяет говорить о том, что книга француза стала для русского о философа до некоторой степени «источником мнений». Тезис о «желтой опасности» и грядущем столкновении культур, с которого начинается статья философа, подкреплен цитатой из Ревия

³ См.: Самойлов Н.А. Россия и Китай // История России: Россия и Восток. СПб.: Лексикон, 2002. С. 502–574; Лукин А.В. «Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVIII–XX веках». М.: Восток–Запад, 2007. 568 с.; Сенина Е.В. Образы взаимного восприятия русских и китайцев в русской и китайской литературе и публицистике первой половины XX в.: дис. ... канд. филол. наук. Благовещенск, 2018. 245 с.

⁴ См., напр.: Фишман О.Л. Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 544 с.

⁵ См.: Кобзев А.И., Сербиненко В.С. Из наследия русского философа Вл. Соловьева // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 3. С. 182–187; Сербиненко В.С. Китайская цивилизация в зеркале прежнего европоцентризма // Самопознание. 2015. № 4. С. 29–31 и др.

⁶ См.: Осьминина Е.А. Культура Китая в осмыслении В.С. Соловьева // Вестник московского государственного лингвистического университета. Вып. 11(784). Гуманитарные науки. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2017. С. 220–228.

(видящего угрозу в большей конкурентоспособности китайских рабочих, по сравнению с европейскими). К работе последнего восходят и некоторые цитаты из «Дао-дэ-цзина», и отрицательная оценка даосизма.

Книга же С.М. Георгиевского для В.С. Соловьёва в большей степени является «источником фактов». Из нее философ берет материал о культе предков, культе Неба, конфуцианстве, описание брачных и похоронных обрядов. Но если С.М. Георгиевский основным «принципом жизни Китая» считает любовь к родителям, как самым близким людям, то Соловьёв – идею порядка и уважение к прошлому. Факты китаевода получают у философа совершенно иную интерпретацию. В.С. Соловьёв пишет о жестокости и материализме китайцев. С.М. Георгиевскому же «желтая угроза» и возможная китаизация мира кажутся нереальными, он полемизирует по этому поводу со своим учителем В.П. Васильевым.

Интересно, что конечные чаяния Соловьёва и Георгиевского – распространение христианства в Азии – совпадают. В заключении своей книги Георгиевский дает высокую оценку «Критике отвлеченных начал» Соловьёва, а последний, при концептуальном несогласии с первым, отзывается о его труде с несомненной симпатией и уважением (в отличие от гр. И. Толстого, поместившего по поводу книги Георгиевского отрицательную, но совершенно бездоказательную заметку⁷).

На ивановской конференции «В.С. Соловьёв и его наследие в современном мире: к 165-летию со дня рождения В.С. Соловьёва и 20-летию деятельности Межрегионального научно-образовательного центра исследований наследия В.С. Соловьёва – Соловьёвского семинара» 2018 г. была высказана гипотеза о влиянии Гегеля на «синологию» Соловьёва. Отношение их философских систем в свое время разобрала П.П. Гайдено. Исследовательница отметила сходство их «фундаментальных интуиций»⁸: трехступенчатого развития мирового духа у Гегеля и развертывание теории божественного единства у Соловьёва; общность «*веры в прогресс*, в торжество справедливости и разума здесь, на Земле»⁹.

Однако конкретные характеристики (например, даосизма) и примеры не дают основания для обобщения концепций Гегеля и Соловьёва. Кроме того, Китай у Гегеля вписан в схему развития мирового духа как первая его стадия, как олицетворение «свободы одного», для Соловьёва же Китай представляет «порядок», который и противостоит европейскому «прогрессу», и призван его дополнить. В начале последнего раздела «Китай и Европы» Соловьёв пишет: «Противоположность двух культур – китайской и европейской – сводится в сущности к противоположению двух общих идей: *порядка*, с одной стороны, и *прогресса*, с другой» [3, с. 147]. В статье «Япония», опубликованной в том же 1890 г., противопоставление двух дальневосточных стран проходит по тому же

⁷ Толстой И. Новая книга о Китае и китайцах // Вестник Европы. 1988. № 11. С. 882–895.

⁸ См.: Гайдено П.П. Владимир Соловьёв и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. с. 112 [2].

⁹ Там же. С. 115.

параметру. У китайцев «высшая религиозная идея – неподвижное небо – место покоя отшедших предков – образ и основание мирового порядка. <...> Теология здесь есть лишь обожествление установившегося в мире порядка, который считается вековечным. <...> У японцев, напротив, теология есть прежде всего теогония, процесс возникновения мировых сил и деятелей ...» [4, с. 154].

В рецензии на статью «Китай и Европа» А. Столповская¹⁰ остановилась именно на этом противопоставлении, оспаривая его с помощью авторитета Г. Спенсера и указывая на противоречивое отношение к порядку у самого Соловьева. Ту же антиномию прогресса и порядка видит у Соловьева и японист В.Э. Молодяков¹¹.

Но нам кажется, что базовой является другая противоположность. Ведь в конце статьи Соловьев критикует «ложную идею беспорядочного и бессмысленного прогресса» современной Европы и противопоставляет ей «истинный христианский прогресс, в который должны войти и положительные принципы порядка»¹². Представляется, что «Китай и Европу» надо читать в контексте статьи В.С. Соловьева «Из философии истории» (1891 г.). Положительным началом, явленным в европейском христианстве здесь является «совершенное, абсолютное единство и солидарности человечества»¹³. С ним и соотносится идея христианской «универсальной любви», «вселенского христианства»¹⁴. высказанная в «Китае и Европе». В китайцах философу не нравится именно отсутствие «универсальной любви и солидарности, которые составляют идеал буддущего»¹⁵, т.е. национализм и жестокость.

И в дальнейших своих обращениях к китайской теме (которая, однако, нигде уже более не окажется главной) философ будет подчеркивать именно это, видя в Китае не отрицательный пример косности и застоя (как большинство западников), а именно угрозу.

Так, статья «Враг с Востока» (1892 г.), посвященная изменениям климата, наступлению пустыни, начинается с предостережения: «Есть основания думать, что дальняя Азия, столько раз выславшая опустошительные полчища своих кочевников на христианский мир, готовится в последний раз против него выступить с совершенно другой стороны: она собирается одолеть нас своими культурными и духовными силами, сосредоточенными в китайском государстве и буддийской религии» [6, с. 452].

¹⁰ Столповская А. Несколько слов по поводу статьи г. В.С. Соловьева «Китай и Европа» // Столповская А. Очерк истории культуры китайского народа. М.: Издание К.Т. Солдатенкова, 1891. С. 455–474.

¹¹ Молодяков В.Э. Образ Японии в Европе и России второй половины XIX – начале XX века. М.: Институт востоковедения РАН, 1996. 184 с.

¹² См.: Соловьев В. С. Китай и Европа // Соловьев В.С. Собр. Соч.: в 10 т. Т. 6. СПб.: Просвещение, <1911–1914>. С. 148 [3].

¹³ См.: Соловьев В. С. Из философии истории // Соловьев В.С. Собр. Соч.: в 10 т. Т. 6. СПб.: Просвещение, <1911–1914>. С. 351 [5].

¹⁴ См.: Соловьев В. С. Китай и Европа. С. 150.

¹⁵ Там же С. 135.

В рецензии (1894) на два первых тома «Путешествия на восток Е.И.В. Государя Наследника Цесаревича» князя Э.Э. Ухтомского¹⁶ Соловьев указывает, что Китай «слишком самодоволен и самоуверен, чтобы добровольно подчиняться высшим началам культуры. В предстоящей рано или поздно борьбе Россия как авангард всемирно-христианской цивилизации на Востоке не имеет ни возможности, ни надобности действовать изолированно или враждебно относительно прочего христианского мира. Даже помимо высших принципов, практическая необходимость заставит нас выступить против Китая в тесном союзе с европейскими державами, особенно с Францией и Англией, коих владения прилегают к Срединной Империи» [7, с. 397].

В том же 1894 г. Соловьев пишет и стихотворение «Панмонголизм», трансформация строк которого под влиянием событий японо-китайской войны 1894-1895 гг. подробно рассмотрена А.И. Кобзевым и В.С. Сербиненко¹⁷.

В 1897 г., по воспоминаниям С.Н. Сыромятникова¹⁸, Э.Э. Ухтомский¹⁹, будучи председателем Русско-китайского банка, уговаривал В.С. Соловьева поехать с ними в Китай, но философ отказался.

В 1898 г. в Северо-восточном Китае началось строительство КВЖД, а в провинции Шаньдун, в районах, оказавшихся под влиянием Германии возникло тайное общество Ихэцюань, с отрядами Ихэтуань; в начале XX их называли «боксерами» или «Большим Кулаком». Китайцы сопротивлялись строительству дороги; сначала нападения на иностранцев были редки. В январе 1900 г. был убит английский миссионер Брукс; весной 1900 г. движение ихэтуаней из Шаньдуна переместилось в столичную провинцию Чжили. Европейские посольства в Пекине оказались в окружении, война²⁰ европейских держав с Китаем началась.

Еще в феврале 1900 г. Соловьев прочитал отрывок из «Трех разговоров о войне, прогрессе и конце всемирной истории» («Краткую повесть об антихристе») в зале Петербургской Думы. В повести описан, в том числе, захват Европы «японским богдыханом», который «по матери китаец, соединивший в себе

¹⁶ Жизни и деятельности Э.Э. Ухтомского посвящена глава в книге Д. Схиммельпэннинка ван дер Ойе «Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией». М.: Новое литературное обозрение, 2009. 419 с.

¹⁷ См.: Кобзев А.И., Сербиненко В.С. Из наследия русского философа Вл. Соловьева // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 2. С. 182–187.

¹⁸ Отношения Соловьева и Сыромятникова подробно разобраны в статье Б.В. Межуева «Забытый спор. О некоторых возможных источниках “Скифов” Блока» // Соловьёвские исследования. 2002. Вып. 5. С. 191–215).

¹⁹ Э.Э. Ухтомский ездил в Китай для переговоров с Ли Хунчжаном, но согласия на железнодорожную концессию в Южной Манчжурии не получил. Окончательно концессия на Южную ветку КВЖД была оформлена в июне 1898 г.

²⁰ Подробное описание событий русско-китайской войны 1900 г., ее причин и предыстории можно найти в книге В.Г. Дацышен «Русско-Китайская война. Манчжурия 1900 г. Русско-Китайская война 1900 г. поход на Пекин» (СПб.: Цитадель, 1996–1999), а также в книге И.В. Лукьянова ««Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX века» (СПб.: Нестор-История, 2008. 668 с.).

китайскую хитрость и упругость с японской энергией, подвижностью и предприимчивостью»²¹.

28 июня (11 июля) 1900 г. Соловьев в письме М.М. Стасюлевичу послал стихотворение «Дракон», посвященное «Зигфриду». Дракон – это Китайская империя, Зигфрид – кайзер Вильгельм II, отправивший в Поднебесную германских солдат. И наконец, заметку «По поводу последних событий» (опубликованную уже посмертно) В.С. Соловьев завершил словами о вышедшем на «историческую сцену» «самом дедушке-Кроносе в лице ветхого деньми китайца»; «и конец истории сошелся с ее началом!»²².

Воззрения Соловьева на Китай неоднократно обсуждались в публицистике начала XX века: и в свете японо-китайской войны, и во время боксерского восстания, и даже в годы первой мировой войны. У Соловьева были единомышленники и среди политиков: тезис о «желтой опасности» разделял, например, генерал А.Н. Куропаткин. Антитезу представляли взгляды уже упоминавшихся здесь С.Н. Сыромятникова, Э.Э. Ухтомского. Нас интересует, как концепция Соловьева отразилась в литературе: в прозе, поэзии и публицистике писателей (не философов, не политиков и не журналистов). И еще одно уточнение: рассматривается только образ Китая, а не тема панмонголизма в целом.

Первым из писателей, обратившихся к соловьевскому Китаю, следует назвать Д.С. Мережковского. В статье «Желтолицы позитивисты» (1894 г.) он отмечает китайский материализм, позитивизм, почитание родителей и примат обряда над духом. Все это согласуется с положениями Соловьева. Можно привести конкретные соответствия (см. табл. 1).

Таким образом, в основных своих положениях Мережковский совпадает с Соловьевым. Но является ли «Китай и Европа» для него источником влияния, как считает А.В. Лукин?

Сам писатель в начале своей статьи ссылается на лекцию французского синоведа Э. Шаванна, прочитанную в Collège de France. Сравнив лекцию синоведа, опубликованную в *Revue politique et littéraire*, со статьей писателя, Е.А. Андрущенко пишет о лекции: «Анализ ее текста свидетельствует, что вся она, включая цитаты из книги Ф. Бэкона и репортажа Д. Даджона (J. Duegeon), имена китайских императоров и названия книг, напечатанных в Китае, и пр., переведена и подробно пересказана Д. Мережковским в его статье. Автор даже переносит в свой текст цитаты, использованные лектором, с его же ссылками. Лишь вступление к “Желтолицым позитивистам” и обобщение в финале статьи представляют собой оригинальный текст, принадлежащий Д. Мережковскому» [11, с. 76].

²¹ См.: Соловьев В. С. Три разговора // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. СПб.: Просвещение, <1911-1914>. С. 195 [8].

²² См.: Соловьев В. С. По поводу последних событий // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. СПб.: Просвещение, <1911-1914>. С. 225–226 [9].

Таблица 1.

В.С. Соловьёв «Китай и Европа»	Д.С. Мережковский «Желтолицы позитивисты»
«Китайская культура при всей своей прочности и материальной полноте, оказалась духовно бесплодной» [3, с. 139]. «<...> главные недостатки китайского национального характера: практический материализм и жестокость» [3, с. 143].	«Дух европейского узкого и мертвенного материализма есть дух Китая» [10, с. 585]. «<...> глубокий бессознательный <i>материалистический темперамент</i> народного гения» [10, с. 593].
«<...> нравственность конфуциализма в основе своей утилитарно-философская <...>» [3, с.131]. «В основе этих отношений, по существу конфуцианской философии – позитивно-утилитарных, лежит стремление человека к его личному благоденствию<...>» [3, с.131].	«<...> целая многовековая культура, основанная на самом строгом позитивизме в служении Пользы. Имя этой воистину грандиозной культуры – Китай» [10, с. 584–585].
«Китайскому культу прошедшего он (Конфуций – Е.О.) сообщил более моральный и рассудочный характер, утвердив его на основной добродетели сыновнего благочестия, и этот же нравственный принцип он сделал краеугольным камнем всего общественного и политического строя Китайской империи» [3, с. 124].	«Сыновнее Почитание есть первоначальный закон, от которого зависит и правильное действие сил природы, и правильные отношения между людьми. Этот закон – символ таинственной связи, соединяющей последовательные человеческие поколения как звенья одной никогда не прерывающейся цепи. Эта идея есть краеугольный камень китайского мирозерцания, символ веры китайцев» [10, с. 592].
«Абсолютная пустота или безразличие, как умозрительный принцип, и отрицание жизни, знания и прогресса, как необходимый практический вывод – вот сущность китайизма, возведенного в исключительную и последовательную систему» [3, с. 122]. «Непомерное преобладание обрядности придает нравственному строю Китайцев механический характер и вместе с тем оставляет нетронутыми главные национальные пороки» [3, с. 130].	«Имя этой воистину грандиозной культуры – Китай, сущность ее – окаменение, поражение человеческого духа медленной смертью» [10, с.585]. «Вот люди, в самом деле умертвившие дух и поклонившиеся букве, форме, плоти, обряду, жертвоприношению, пользе, практическому расчету, безгранично презирающие все неопределенное, вольное, творческое, подвижное, разрушающее окаменелую форму во имя свободного, вечно мятежного духа» [10, с. 593].

На наш взгляд, это не совсем так. Мережковский, действительно, заимствует ряд фактов и даже положений из лекции Шаванна, но тон и смысл работы француза совершенно другой.

Шаванн указывает на важнейшую роль китайской литературы (конфуцианского пятикнижия) в формировании государства и общенациональных ценностей, на ее значение для всего дальневосточного региона (поскольку все его население понимало китайскую иероглифику) в целом.

Д.С. Мережковский по Шаванну изложил некоторые факты из политической истории Цинь, содержание частей конфуцианского пятикнижия и четырехкнижия, сказал о значении экзаменов, о методе заучивания и пагубности его влияния на развитие китайской науки (математики и естественных наук), о сыновней почтительности, культе прошлого как основе национального менталитета, о морализаторском характере литературы и ее важности для Китая.

Но пафос Шаванна – пафос ученого-социолога. Он доказывает, что страну надо понимать через ее литературу. Если говорить о «желтой опасности» у Шаванна (потому что Европа уже сталкивается и еще столкнется с китайскими рабочими-мигрантами и потому что Франция исторически поддерживает христианских миссионеров в Китае), то этот тезис второстепенен, отношение к Китаю у автора вовсе не негативное, он отмечает нравственность китайцев, высокий уровень их морали и пр.

Мережковский же использует культурно-исторический материал для доказательства своей религиозно-философской концепции (так, впрочем, он делает всегда), суть которой состоит в утверждении пагубности материализма и позитивизма и необходимости нового религиозного сознания. Шаванн нигде не говорит о материализме и позитивизме китайцев и только в одном месте – о прагматизме: «...им приходилось изучать науки, но они сохраняют в них только то, что незаменимо на практике; они могут быть отличными мастерами, но сомнительно, чтобы они стали инженерами и механиками, способными к инновациям»²³ [12, с. 780].

Зато, как было показано выше, об этом много говорит В.С. Соловьев. Причем можно установить и источник тезиса о позитивизме, выстроив своеобразную цепочку: Георгиевский – Соловьев – Мережковский. Потому что именно первый говорит о «позитивизме» китайцев: «Доктрине Конфуция ... чужда метафизическая абстрактность – эта доктрина, позитивная по существу своему, рассматривает только условия земной жизни и деятельности человека, вне зависимости их от каких-либо неземных целей» [13, с. 433–434].

Для В.С. Соловьева (в отличие от С.М. Георгиевского) этот эпитет становится негативной характеристикой, у Мережковского же – переходит в прямое обличение. «Желтолицые позитивисты» более резки по тону и публицистическому накалу, нежели труд Соловьева и лекция Шаванна.

Во второй статье Д.С. Мережковского, «Грядущий Хам» (1906 г.), о Китае не говорится ничего нового; только повторен и усилен тезис из «Желтолицых позитивистов» – о материализме китайцев, который теперь толкуется как «мещанство», «сплоченная посредственность». Будущее Европы видится как

²³ Перевод К.П. Осьмининной.

«...“мир всего мира”, последняя тишина и покой небесный, Небесная империя, Серединное царство по всей земле от Востока до Запада, окончательная “кристаллизация”, всечеловеческий улей и муравейник, сплошная, облепляющая шар земной “паюсная икра” мещанства ...»²⁴. Характеристика конфуцианства и даосизма дана в том же ключе: «Духовная основа Китая, учения Лао-Дзы и Конфуция, – совершенный позитивизм, религия без Бога <... > Никаких тайн, никаких углублений и порываний к “мирам иным”. Все просто, все плоско. Несокрушимый здравый смысл, несокрушимая положительность» [14, с. 352]. Сравнение с муравейником, многократно повторенное в статье, заставляет вспомнить сравнение с «саранчой» в соловьевском «Панмонголизме».

Но тема статьи – опять же не Китай, а прогноз о грядущем хамстве как продолжении мещанства и хвала русской интеллигенции, религиозной общест-венности как единственной силе, способной противостоять и мещанству и хамству. Знаковой фигурой, символом интеллигенции здесь для Мережковского становится Герцен; отсюда отсылки к его сочинениям, в том числе о Китае: «Серединное царство – царство вечной середины, вечной посредственности, абсолютное мещанство – “царство не Божие, а человеческое”, как определяет опять-таки Герцен общественный идеал позитивизма» [14, с. 353].

Но можно найти в «Грядущем хаме» отзвуки и Соловьевских идей, причем не только из «Китая и Европы», но уже и из «Трех разговоров о войне, прогрессе и конце всемирной истории».

Прежде всего, их роднит «пророческий» пафос высказываний.

Идеал мещанства, указываемый Мережковским, осуществлен в повести Соловьева антихристом, объединившим народы земли и устроившим «всеобщий мир», «всеобщую сытость»²⁵.

Само название статьи Мережковского, эпитет из которого неоднократно в ней повторяется («грядущий Князь мира сего, Грядущий Хам», «Грядущий Хам», «Хама Грядущего победит»), отсылает к эпитету, данному Соловьевым антихристу: «На этой стадии грядущий человек представляет еще не много характерного и оригинального»²⁶, «Главным кандидатом был негласный член ордена – “грядущий человек”»²⁷. С.Н. Сыромятников в статье «Русская философия» (1900) употребил словосочетание «грядущий Х»²⁸, И.В. Корецкая увидела в названии переключку с «Грядущими гуннами» В.Я. Брюсова.

По-прежнему Мережковский говорит о «китаизации», «Китайской Стене», «желтой опасности», «желтых людях», хотя геополитическая тема во второй статье не является главной. Вывод же ее отсылает к самой сути учения

²⁴ См.: Мережковский Д.С. Грядущий Хам // Мережковский Д.С. В тихом омуте. М.: Сов. писатель, 1991. С. 354–355 [14].

²⁵ См.: Соловьев В. С. Три разговора. С. 205.

²⁶ Там же. С. 198.

²⁷ Там же. С. 203.

²⁸ Сигма <С.Н. Сыромятников> Русская философия // Новое время. 1900/ 5 (18) марта. № 8628. Благодарим М.В. Максимова за указание на статью.

Соловьева, к софианству: «И когда это совершится, тогда русская интеллигенция уже перестанет быть интеллигенцией, только интеллигенцией, человеческим, только человеческим разумом, тогда она сделается Разумом Богочеловеческим, Логосом России, как члена вселенского тела Христова, новой истинной Церкви – уже не временной, поместной, греко-русской, а вечной, вселенской Церкви Грядущего Господа, Церкви св. Софии, Премудрости Божией, Церкви Троицы нераздельной и неслиянной, – церкви не только Отца и Сына, но Отца, Сына и Духа Св.» [14, с. 376].

И, наконец, еще одно «глубинное» сходство Соловьева и Мережковского: Китай важен им не сам по себе, а как один из аргументов в доказательстве основной идеи. У Соловьева это распространение вселенского христианства: «Если мы, европейский христианский мир, будем также верны себе, т.е. верны вселенскому христианству, то Китай не будет нам страшен, мы же завоюем и дальний Восток, не силой оружия, а тою силой духовного притяжения, которая присуща исповеданию полной истины и которая действует на души человеческие, к какому бы племени они не принадлежали» [3, с. 150]. У Мережковского это идея религиозного обновления («...лишь в грядущем христианстве заключена сила, способная победить мещанство и хамство грядущее»²⁹) и той же «новой истинной Церкви», что и у Соловьева.

К соловьевскому осуждению национализма Мережковский вернулся в годы первой мировой войны, на вечере памяти философа (14 ноября 1916 г.): «Он знал, как никто, что абсолютного национализма нельзя преодолеть ничем, кроме *абсолютного человечества*»³⁰.

В эмиграции, в трилогии «Иисус Неизвестный», которую считал своей итоговой, «главной книгой», он процитировал строки из поэмы «Три свидания» (1898 г.), из стихотворений «Нильская дельта» (1898 г.), «Das Ewig-Weibliche» (1898 г.), из трактата «Смысл любви». Авторитетом Соловьева подкрепляется важность египетских штудий, рассуждения о вечноженственном и о поле. Мережковский дает следующие характеристики Соловьеву; один из «мудрецов и поэтов», «таинственный русский пророк», «русский ученик Платона», «его христианский ученик», один из «трах великих пророков Матери»³¹.

Соотношение религиозно-философских систем Соловьева и Мережковского в том или ином аспекте рассматривается в работах Е.А. Андрущенко, Н.В. Анненковой, П.П. Гайденко, А.Ф. Лосева, О.А. Коростелева, М.Ю. Красильниковой и Ю.В. Наумова, Э.Я. Мозговой. О.А. Коростелев, анализируя историю вопроса, критические высказывания Мережковского о Соловьеве, за-

²⁹ См.: Мережковский Д.С. Грядущий Хам // Мережковский Д.С. В тихом омуте. М.: Сов. писатель, 1991. С. 353 [14].

³⁰ См.: Мережковский Д.С. Было и будет. Дневник. 1910–1914; Невоенный дневник. 1914–1916. М.: Аграф, 2001. С. 396 [15].

³¹ См.: Мережковский Д.С. Тайна Трех: Египет и Вавилон; Тайна Запада: Атлантида-Европа // Мережковский Д.С. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 14. М.: Дмитрий Сечин, 2017. С. 16, 47, 362, 461, 482 [16].

ключает, что первый стал воспринимать последнего как «единомышленника» лишь в эмиграции³².

З.Н. Гиппиус отрицала влияние Соловьева на Мережковского: «Д.С. никогда не читал его пристально, между идеями обоих были совпадения иногда, но именно совпадения, как бы встречи ... идея Вселенской Церкви не была у него заимствована Д.С., она к последнему пришла совершенно самостоятельно и даже не вполне с соловьевской совпадала» [17, с. 207].

Однако П.П. Гайденко указывает: «Мистико-романтическое учение В.С. Соловьева о половой любви как пути к спасению, к воссоединению человека с Богом, любви-влюбленности, которая должна всегда оставаться платонической, – вот один из источников нового культа, который пытались осуществить Мережковские и Филосовы» [2, с. 330].

Представляется, что идею Завета «Духа-Матери», Третьего Завета, можно сопоставить с идеей Вселенской Церкви, учением о Вечной Женственности Соловьева; есть общее и в рассуждении о богочеловеке и богочеловечестве. Роднит мыслителей и интерес к гностицизму: Соловьев писал о нем в энциклопедию Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона³³, Мережковский излагал гностические идеи в романах «Юлиан Отступник», «Леонардо да Винчи», трактате «Иисус Неизвестный».

Возможно, следует говорить не о прямом влиянии, а о параллельном развитии, схожем направлении пути, при общей ориентированной на европейскую философскую мысль (в «китайском» случае, - на французскую).

Зато на другого культурфилософа Серебряного века, Вяч. Иванова, влияние Соловьева несомненно. Об этом писали М.Н. Грабар, М.Н. Громов, В.Б. Микушевич, В.А. Никитин, В.В. Николаенко, Г. Обатнин, С.П. Пургин.

Проявляется оно и в китайской теме. Здесь также можно привести соотнесения между «Китем и Европой» Соловьева и статьей Иванова «Россия, Англия и Азия» (1915 г.) (см. табл. 2).

Как видно, последнее совпадение – не только с Соловьёвым, но и с Мережковским и даже с Георгиевским, который в конце «Принципов жизни Китая» также выражал надежду на христианизацию Азии.

Интересно, что Вяч. Иванов предлагает союз России и Англии как спасение от желтой опасности. Б.В. Межуев считает, что Соловьев в последний период своей жизни видел в Британской Империи «реальное воплощение» «всемирного объединения»³⁴, так что сходство можно увидеть и в геополитических концепциях двух мыслителей.

³² См.: Коростелев О.А. Круг Мережковских о Вл. Соловьёве до революции и в эмиграции // Соловьёвские исследования. 2018. Вып. 3(59). С. 74–85.

³³ См.: Соловьёв В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10, с. 323–328.

³⁴ См.: Межуев Б.В. Владимир Соловьёв и Британская империя // Соловьёвские исследования. 2003. Вып. 6. С. 32 [20].

Таблица 2.

В.С. Соловьев «Китай и Европа»	Вяч. Иванов «Россия, Англия и Азия»
«Но все эти опасности частного и мирного нашествия желтой расы ничтожны в сравнении с предстоящим развитием государственного и военного могущества Срединной Империи вследствие усвоения китайцами всех новейших усовершенствований европейской техники» [3, с. 96].	«Стена, которую Европа может противопоставить желтой опасности – Китаю, должна быть живою стеной двуединой белой азиатской державы» [18, с. 379].
«Как саранча неисчислимы» [19, с. 288].	«Только в Германии да еще в Китае народное сознание есть сознание муравейника: общий биологический разум и общая биологическая воля движут в них из невидимых центров весь множественный состав, соподчиняя все его части и молекулы принципу изначала и естественной данной и лишь совершенствуемой собственном человеческим творчество природной организации» [18, с. 379].
«Если мы, европейский христианский мир, будем также верны себе, т.е. верны вселенскому христианству, то Китай не будет нам страшен, мы же завоюем и дальний Восток, не силой оружия, а тою силой духовного притяжения, которая присуща исповеданию полной истины, и которая действует на души человеческие, к какому бы племени они не принадлежали» [3, с. 150].	«Ибо внутренний духовный смысл желтой опасности есть дехристианизация Европы, ее обращение к истокам ветхозаветной азиатской веры и мудрости. И отвратить эту опасность может лишь духовное единение христианских народных сознаний на почве самой Азии» [18, с. 380].

Откликаясь на отдельное издание «Петербурга» рецензией «Вдохновение ужаса» (1916 г.), Иванов увидел в романе Андрея Белого Соловьевский след. Как указывает Г. Обатнин, «тема апокалиптического панмонголизма, стала одной из основных для этой рецензии, причем она тесно связана с переживаем ужаса, организующего, по мысли Иванова, роман в целом»³⁵.

Как и Д.С. Мережковский, Вяч. Иванов был знаком с В.С. Соловьевым (их беседа описана у О. Дешарт), в «Автобиографическом письме» называл «покровителем» своей музыки и «исповедником» своего сердца. В статье «О значении Владимира Соловьева и о судьбах нового религиозного сознания» (1911, позднее

³⁵ См.: Обатнин Г. Иванов-мистик. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 131 [21].

название – «Религиозное дело Владимира Соловьёва») он характеризовал Соловьёва как «наставника строгого и вождя надежного»³⁶, определяя его огромное значение для русской культуры: «Итак, само понятие нового религиозного создания идет от Вл. Соловьёва, – как от него же идут и все другие лозунги, и определения наших позднейших религиозных исканий» [22, с. 339].

Обратимся теперь к художественной прозе.

Влияние и «Краткой повести об антихристе», и событий боксерского восстания можно найти в рассказе В.М. Дорошевича «Богиня»³⁷. Дорошевич был в Китае. В 1897 г. В качестве корреспондента газеты «Одесский листок» он совершил кругосветное путешествие на судне «Ярославль» с заходом во Владивосток и Шанхай. Спустя три года, в разгар восстания, он вернулся к китайской теме и написал для газеты «Россия» несколько очерков («Китай», «На Востоке!»), фельетонов («Г-жа Цивилизация», «Приготовление миссионеров»), статью «“Обновление Китая”», ряд «китайских» сказок (где осуждаются российские порядки под видом китайских) и рассказ «Богиня».

Очерки, основанные на личных воспоминаниях, в целом соответствуют определенному настрою русского общества по отношению к восстанию боксеров. Как указывает Б.В. Межуев, вовсе не все приветствовали наше участие в европейской войне с Китаем. Если консервативные публицисты «Московских новостей» и призывали к «разделу Китая», то консервативное же «Новое время» А.С. Суворина считало, что не следует «таскать каштаны из огня»³⁸ ради англичан и ссориться с китайцами. Такую позицию занимала и либеральная «Россия» в лице А.В. Амфитеатрова и В.М. Дорошевича. Их статьи, сказки и фельетоны полны осуждения грабительской европейской политики и сочувствия к китайцам.

На этом фоне резко выделяется рассказ «Богиня», где описывается как раз осуществившаяся «желтая угроза» – захват Парижа «бесчисленной армией китайцев» в 2100 году: «Это был конец того великая движения, которое вспыхнуло на Востоке ровно 200 лет тому назад, в 1900 году»³⁹. Соглашаясь с соловьевским тезисом о китайской жестокости, Дорошевич описывает именно зверства завоевателей: «Китайцы неслись по улицам, забежали в дома, резали мужчин и насиловали женщин, со смехом перерезая им горло и любуясь трепетанием тела, которым только что наслаждались» [24, с.173–174]. Уничтожаются достижения цивилизации, произведения искусства, из которых в конце концов остается только статуя Венеры Милосской.

³⁶ См.: Иванов В.И. Религиозное дело Владимира Соловьёва // Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 337 [22].

³⁷ Благодарим Д.Д. Николаева, который указал нам на наличие китайской темы в произведениях Дорошевича и Амфитеатрова. См.: Дорошевич В.М. Богиня // Россия. 1900. 16 сент. № 501. С. 2.

³⁸ См.: Межуев Б.В. Забытый спор. О некоторых возможных источниках «Скифов» Блока // Соловьёвские исследования. 2002. Вып. 5. С. 204 [23].

³⁹ См.: Амфитеатров А.В., Дорошевич В.М. Китайский вопрос. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1901. С. 166 [24].

Ровно за неделю до «Богини», 9 сентября, в «России» была напечатана большая статья А.В. Амфитеатрова о В.С. Соловьеве. Дорошевич с Амфитеатовым в то время были не только лучшими сотрудниками газеты, но и хорошими друзьями; поэтому близость публикаций – еще одно доказательство влияния именно Соловьева на Дорошевича в этом рассказе.

Русско-японская война 1904–1905 гг. снова подняла вопрос о «желтой опасности», и тень Соловьева легла на страницы рассказа В.В. Вересаева «Под кедрами»⁴⁰. Вересаев про профессии врач, был мобилизован в действующую армию в июне 1904 г. и с августа 1904 по декабрь 1905 г. находился при военно-полевом госпитале. Он участвовал в боях при Шахе, в Мукденском сражении, в отступлении в Манчжурии. Таким образом, в рассказе «Под кедрами» (1906 г.) отразились реальные впечатления. Описана ночевка в «горной деревушке», фанзы и молельня с поломанными статуями божеств («страшными, свирепыми и смешно бессильными») и с росписью на стене. Это женская фигура: «<...> казалось, она писана цветным воздухом. В этой воздушности красок, в изящном наклоне головки, в бестелесной и хрупкой, слегка изогнутой фигуре была своеобразная, упадочно-болезненная, но неудержимо покоряющая красота» [25, с.57]. Уже эти строки полемичны по отношению к тезису о бесплодности китайской культуры. Далее капитан, герой рассказа Вересаева, прямо цитирует Соловьевского «Дракона» и явно иронизирует, приводя образы из «Трех разговоров»: «желтая опасность, нашествие новых гуннов, японо-китайский богдыхан в Париже...»⁴¹. Будущее видится совсем по-другому: «может быть, именно он, этот чуждый мир, прошедши наши муки, искания и сомнения, претворит их в великую, божественную тишину»⁴².

В художественной прозе А. Белого идеи Соловьева выразились опосредованно: размышления, скорее, не о Китае, а о панмонголизме, и не о внешнем, а о внутреннем. О панмонголизме в «Петербурге» (1913–1914 гг.) писал еще Р.В. Ивановым-Разумник и затем многие литературоведы. Конкретно же о Китае в романе говорится немного. Несколько раз повторена фраза «проволновался Китай и пал Порт-Артур». В автобиографическом романе «Крещеный китаец» (1927 г.) отец героя награжден вынесенным в заглавие эпитетом. А. Белый упоминает книги: «И–Кинг» («И–цзин»); «Середину и Постоянство» Конфуция («Чжун Юн», «[Учение] о срединном и неизменном пути», приписываемое Цзы Ся, ученику Конфуция); «Лаодцы» («Дао-дэ-цзин» Лао-цзы). В целом восприятие Китая у Белого согласуется скорее с традицией Милля–Герцена–Мережковского, чем с Соловьевской: «очень размеренный, все бы сказали: ме-

⁴⁰ См.: Вересаев В.В. Рассказы о японской войне. М.: Изд-во Моссовета «Новая Москва». 1927. 66 с. [25].

⁴¹ Там же. С.57.

⁴² Там же.

щанский Китай, из обычаев света, законов и правил, наполнивши правила все иным содержанием, взятым – у Лейбница, у Пифагора, у Лаоцзы»⁴³.

И наконец, поэзия. Здесь наследником идей Соловьева является В.Я. Брюсов. Начинаящего поэта не мог не заинтересовать⁴⁴ великий философ, столь язвительно сделавший его, Брюсова, известным. Э. Молодяков считает, что «в 1900-1901 гг. Брюсов вообще близок к тому, чтобы назвать Вл. Соловьева своим учителем»⁴⁵, но привлекает поэта не учение о «вселенском христианстве», не софиология, а «исторические оценки и политические прогнозы философа, причем в неразрывном единстве с его поэзией»⁴⁶.

В черновике к стихотворению «Брань народов» из «Tertia virgilia» (1900 г.), как указывают комментаторы, поставлен эпиграф из «Краткой повести об антихристе», и в этой связи очень интересна датировка стихотворения: 18 августа 1899 г. (может быть, эпиграф был поставлен позднее?).

После поражения боксерского восстания Брюсов пишет «Солдатушек» (1902 г.) стилизацию строевой песни, где выражается намерение «шапками» «закидать» «Китай»⁴⁷. Русско-японская война сначала вызывает у него патриотическое воодушевление. В первой строфе стихотворения «К Тихому океану» (1904) он упоминает сны о Южном море, в рецензиях весны-лета 1904 г. пишет, что мировое положение России зависит от того, «будет ли она в XX веке владычицей Азии и Тихого океана»⁴⁸, что история ближайших веков будет решаться на берегах Великого океана, что «пустыни по Амуру станут житницами мира, нищий Китай – Крезом XXI века»⁴⁹. Стихотворение «Грядущие гунны» (1905 г.) обыкновенно толкуется как предчувствие революции, но А.И. Кобзев и В.В. Сербиненко⁵⁰ видят здесь и развитие темы «Панмонголизма» в ситуации русско-японской войны.

В 1905 г. Брюсов работает над статьей «Метерлинк-утешитель (о “желтой опасности”», где спорит с великим драматургом, сомневающимся в реальности «желтой угрозы». Положения из рукописи затем вошли в опубликованную статью «Новая эпоха во всемирной истории» (1913 г.). То есть все межвоенное десятилетие Брюсова волнуют геополитические вопросы и решает он их в духе Соловьева. Он пишет, что между Западом и Востоком возможны лишь

⁴³ См.: Белый А. Крещеный китаец. М.: Панорама, 1992. С. 25–26 [26].

⁴⁴ О влиянии Соловьева на раннего Брюсова писала С.К. Кульюс (см.: Кульюс С.К. Ранний Брюсов о поэзии и философии Вл. Соловьева // А. Блок и его окружение. Блоковский сборник. VI. Тарту, 1985. С. 51–65).

⁴⁵ См.: Молодяков В.Э. Образ Японии в Европе и России второй половины XIX – начале XX веков. М.: Институт востоковедения РАН, 1996. С.128 [27].

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ См.: Брюсов В.Я. Мировое состязание. Политические комментарии. 1902–1924. М.: АИРО–XX, 2003. С. 55 [28].

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 80.

⁵⁰ Кобзев А.И., Сербиненко В.С. Из наследия русского философа Вл. Соловьева // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 3. С. 182–187.

«открытая война или скрытое соперничество»⁵¹, что на смену «борьбы народов» придет «соперничество союзов государств, целых рас и особых культур»⁵². И естественно, в статье упоминается и «желтая опасность», и имя Вл. Соловьева, которого Брюсов называет «искренним прозорливцем». Предостережение из статьи: «В опасности окажутся наши лучшие достижения, и Шекспир, и Рафаэль, и Платон, которых захотят заменить стихами Саади, картинами Утамаро, мудростью Конфуция»⁵³ перекликается со строками из стихотворения «Проснувшийся Восток» (1911 г.), где Брюсов призывает «стоять на страже мира», «за лики гордые Шекспира, за Рафаэлевых мадонн»⁵⁴.

И наконец, в декабре 1914 г., будучи военным корреспондентом «Русских ведомостей», Брюсов сочиняет «Китайские стихи», часть которых публикует в «Опытах по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам» (1918 г.).

В форме Брюсов продемонстрировал прием параллелизма; источником сведений о китайском стихосложении стала «Иллюстрированная всеобщая история литературы» (1905 г.) И. Шерра (книга хранится в библиотеке поэта).

Но содержание одного из опубликованных стихотворений созвучно соловьевскому видению Китая:

Все дни – друг на друга похожи;
Так муравьи – одинаково серы.
Знай заветы – работать, чтить старших и голос Божий,
Завяжи узел – труда, почтенья, веры⁵⁵.

У Шерра можно почерпнуть похожие толкования, в общем духе западного (в данном случае – немецкого) видения Китая: «... здесь все гладко, скромно, проникнуто трезвостью, филистерством, посредственностью, так как “добродетель заключается в середине”...» [30, с. 15–16]; «отношения между родителями и детьми отличаются сердечностью, и как для родителей считается священной обязанностью воспитать детей, так и для детей священный долг – заботиться о престарелых родителях» [30, с. 16–17].

Но образ «муравья» соотносится и с «саранчой» Соловьева; о «благополучном муравейнике» и «сознании муравейника» через год напишет Вяч. Иванов. А главное – «Китайские стихи» написаны в период войны. То есть к образу Китая, и шире – дальневосточной цивилизации Брюсов обращался в период возможной геополитической опасности, в том числе и «желтой». И здесь невозможно обойтись без воспоминания о пророчествах В.С. Соловьева.

⁵¹ См.: Брюсов В.Я. Мировое состязание. Политические комментарии. С. 109.

⁵² Там же. С. 107.

⁵³ Там же. С. 115.

⁵⁴ Там же. С. 103.

⁵⁵ См.: Брюсов В.Я. Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам (Стихи 1912–1918 гг.). М.: Геликон, 1918. С.70 [29].

Представляется чрезвычайно интересной гипотеза Б.М. Межуева о том, что в «Скифах» спустя много лет отразилось противостояние идей С.Н. Сыромятникова (Э.Э. Ухтомского) и В.С. Соловьёва. Но в любом случае, Китай в «Скифах» не упоминается.

По нашему мнению, лучшие стихи о Поднебесной в Серебряном веке написали поэты, не испытывавшие влияния В.С. Соловьёва: К.Д. Бальмонт и Н.С. Гумилев. Данный факт также является одним из свидетельств влияния мыслителя на современников. Наряду с совпадением ряда важнейших характеристик китайской культуры у Соловьёва и публицистов и культурфилософов его времени, отсутствие образа Китая в поэзии младосимволистов также, как ни странно, говорит об этом влиянии.

Список литературы

1. Соловьёв В.С. Россия и Европа // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. СПб.: Просвещение, <1911-1914>. С.82-147.
2. Гайденок П.П. Владимир Соловьёв и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 472 с.
3. Соловьёв В.С. Китай и Европа // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. СПб.: Просвещение, <1911-1914>. С.99-158.
4. Соловьёв В.С. Япония // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. СПб.: Просвещение, <1911-1914>. С.159-179.
5. Соловьёв В.С. Из философии истории // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. СПб.: Просвещение, <1911-1914>. С.346-368.
6. Соловьёв В.С. Враг с Востока // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. СПб.: Просвещение, <1911-1914>. С.452-456
7. Вл.С. [Путешествие на Восток Е.И.В. Государя Наследника Цесаревича <...>] // Вестник Европы. 1894. № 9. С. 395-398.
8. Соловьёв В.С. Три разговора // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 10. СПб.: Просвещение, <1911-1914>. С. 81-222.
9. Соловьёв В.С. По поводу последних событий // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 10. СПб.: Просвещение, <1911-1914>. С.222-229.
10. Мережковский Д.С. Желтолицы позитивисты // Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб.: Наука, 2007. С. 584-599.
11. Андрущенко Е.А. Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. М.: Водолей, 2012. 248 с.
12. Chavannes M.E. Role social de la literature chinoise // Revue politique et littéraire, 1893. № 52. P. 774-782.
13. Георгиевский С.М. Принципы жизни Китая. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1888. 532 с.
14. Мережковский Д.С. Грядущий Хам // Мережковский Д.С. В тихом омуте. М.: Сов. писатель, 1991. С. 350-377.
15. Мережковский Д.С. Было и будет. Дневник. 1910-1914; Невоенный дневник. 1914-1916. М.: Аграф, 2001. 512 с.
16. Мережковский Д.С. Тайна Трех: Египет и Вавилон; Тайна Запада: Атлантида-Европа // Мережковский Д.С. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 14. М.: Дмитрий Сечин, 2017. 897 с.
17. Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский // Гиппиус З.Н. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси: Мерани, 1991. С. 164-351.

18. Иванов В.И. Россия, Англия и Азия // Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 377–380.
19. Соловьев В.С. Стихотворения. М.: Изд. С. Соловьева, 1915. 359 с.
20. Межуев Б.В. Владимир Соловьев и Британская империя // Соловьевские исследования. 2003. Вып. 6. С. 27–36.
21. Обатнин Г. Иванов-мистик. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 240 с.
22. Иванов В.И. Религиозное дело Владимира Соловьева // Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 337–345.
23. Межуев Б.В. Забытый спор. О некоторых возможных источниках «Скифов» Блока // Соловьевские исследования. 2002. Вып. 5. С. 191–215.
24. Амфитеатров А.В., Дорошевич В.М. Китайский вопрос. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1901. 176 с.
25. Вересаев В.В. Рассказы о японской войне. М.: Изд-во Моссвета «Новая Москва». 1927. 66 с.
26. Белый А. Крещеный китаец. М.: Панорама, 1992. 240 с.
27. Молодяков В.Э. Образ Японии в Европе и России второй половины XIX – начале XX веков. М.: Институт востоковедения РАН, 1996. 184 с.
28. Брюсов В.Я. Мировое состязание. Политические комментарии. 1902–1924. М.: АИРО–XX, 2003. 224 с.
29. Брюсов В.Я. Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам (Стихи 1912–1918 гг.). М.: Геликон, 1918. 202 с.
30. Шерр И. Иллюстрированная всеобщая история литературы. М.: Издание С. Скирмунта, 1905. 568 с.

References

1. Solov'ev, V. S. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy: v 10 t., t. 5*. [The Works in 10 vol.. vol.5]. Saint-Petersburg, <1911–1914>, pp. 82–147.
2. Gaydenko, P.P. *Vladimir Solov'ev i filosofiya Serebryanogo veka* [Vladimir Soloviev and philosophy of the Silver age]. Moscow, 2001. 472 p.
3. Solov'ev, V. S. *Kitay i Evropa* [China and Europe], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy: v 10 t., t. 6*. [The Works in 10 vol.. vol.6]. Saint-Petersburg, <1911–1914>, pp. 99–158.
4. Solov'ev, V. S. *Yaponiya* [Japan], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy: v 10 t., t. 6*. [The Works in 10 vol.. vol.6]. Saint-Petersburg, <1911–1914>, pp. 159–17.
5. Solov'ev, V. S. *Iz filosofii istorii* [From the philosophy of history], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy: v 10 t., t. 6*. [The Works in 10 vol.. vol.6]. Saint-Petersburg, <1911–1914>, pp. 346–368.
6. Solov'ev, V. S. *Vrag s Vostoka* [The enemy from East], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy: v 10 t., t. 5*. [The Works in 10 vol.. vol.5]. Saint-Petersburg, <1911–1914>, pp. 452–456.
7. V.I.S. *Vestnik Evropy*, 1894, no. 9, pp. 395–398.
8. Solov'ev, V. S. *Tri razgovora* [The three conversations], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy: v 10 t., t. 10*. [The Works in 10 vol.. vol.10]. Saint-Petersburg, <1911–1914>, pp. 81–222.
9. Solov'ev, V. S. *Po povodu poslednikh sobytiy* [About the recent events], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy: v 10 t., t. 10*. [The Works in 10 vol.. vol.10]. Saint-Petersburg, <1911–1914>, pp. 222–229.
10. Merezhkovskiy, D.S. *Zheltolitsye pozitivisty* [The yellow-faced positivists], in Merezhkovskiy, D.S. *Vechnye sputniki. Portrety iz vseмирной literatury* [The eternal companion. The portraits from world literature]. Saint-Petersburg, 2007. pp. 584–599.
11. Andrushchenko, E.A. *Vlastelin «chuzhogo»: tekstologiya i problemy poetiki D.S. Merezhkovskogo* [The lord of the «stranger»: the textual and poetic problems of D.S. Merezhkovsky]. Moscow, 2012. 248 p.
12. Chavannes, M.E. *Role social de la literature chinoise*, in *Revue politique et littéraire*, 1893, no. 52, pp. 774–782.

13. Georgievskiy, S.M. *Printsiipy zhizni Kitaya* [The principles of life in China]. Saint-Petersburg, 1888. 532 p.
14. Merezhevskiy, D.S. *Gryadushchiy Kham* [The Coming Ham], in Merezhevskiy, D.S. *V tikhom omute* [Still waters run deep]. Moscow, 1991, pp. 350–377.
15. Merezhevskiy, D.S. *Bylo i budet. Dnevnik. 1910–1914; Nevoennyi dnevnik. 1914–1916* [It was and will be. Diary. 1910–1914; Non-military diary. 1914–1916]. Moscow, 2001. 512 p.
16. Merezhevskiy, D.S. *Tayna Trekh: Egipet i Vavilon; Tayna Zapada: Atlantida-Evropa* [The secret of the Three: Egypt and Babylon; The secret of West: Atlantis- Europe], in Merezhevskiy, D.S. *Sobranie sochineniy v 20 t., t. 14* [The Works in 20 vol., vol. 14]. Moscow, 2017. 897 p.
17. Gippius, Z.N. Dmitriy Merezhevskiy [Dmitry Merezhevsky], in Gippius, Z.N. *Zhivye litsa. Vospominaniya* [The living person. Memory lane]. Tbilisi, 1991, pp. 164–351.
18. Ivanov, V.I. *Rossiya, Angliya i Aziya* [Russia, England and Asia], in Ivanov, V.I. *Rodnoe i vselenskoe* [Native and universal]. Moscow, 1994, pp. 377–380.
19. Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya* [The Poems]. Moscow: Izdanie S. Solov'eva, 1915. 359 p.
20. Mezhuiev, B.V. *Solov'evskie issledovaniya*, 2003, issue 6, pp. 27–36.
21. Obatnin, G. *Ivanov-mistik* [Ivanov-mystic]. Moscow, 2000. 240 p.
22. Ivanov, V.I. *Religioznoe delo Vladimira Solov'eva* [Religious work of Vladimir Solovyov], in Ivanov, V.I. *Rodnoe i vselenskoe* [Native and universal]. Moscow, 1994, pp. 337–345.
23. Mezhuiev, B.V. *Solov'evskie issledovaniya*, 2002, issue 5, pp. 191–215.
24. Amfiteatrov, A.V., Doroshevich, V.M. *Kitayskiy vopros* [The Chinese question]. Moscow, 1901. 176 p.
25. Veresae, V.V. *Rasskazy o yaponskoy voyne* [The stories about the Japanese war]. Moscow, 1927. 66 p.
26. Molodtsov, V.E. *Obraz Yaponii v Evrope i Rossii vtoroy poloviny XIX – nachale XX vekov* [The image of Japan in Europe and Russia of the second half of the XIX-early XX centuries]. Moscow, 1996. 184 p.
27. Belyy, A. *Kreshchenyy kitaets* [The baptized chinese]. Moscow, 1992. 240 p.
28. Bryusov, V.Ya. *Mirovoe sostyazanie. Politicheskie kommentarii. 1902–1924* [The world competition. Political commentary. 1902–1924]. Moscow, 2003. 224 p.
29. Bryusov, V.Ya. *Opyty po metrike i ritmike, po evfonii i sozvuchiyam, po strofike i formam (Stikhi 1912–1918 gg.)* [The experiments on the metric and rhythm, evgenii and harmonies, strafica and forms (Poetry 1912–1918)]. Moscow, 1918. 202 p.
30. Sherr, I. *Ilyustrirovannaya vseobshchaya istoriya literatury* [The illustrated general history of literature]. Moscow, 1905. 568 p.